ВОСПОМИНАНІЕ О Н. П. СИНЕЛЬНИКОВѢ.

ВЪ КОНЦѢ пятидесятыхъ годовъ, воронежскимъ губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Николай Петровичъ Синельниковъ, оставившій по себѣ добрую память. Замѣчательный администраторъ, человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и энергичный, честный до корней волосъ, строгій преслѣдователь лихоимства и всякой неправды, словомъ рыцарь безъ пятна и упрека. Какъ городъ Воронежъ, такъ и вся губернія, немало были обязаны благоустройствомъ и благосостояніемъ его неутомимой и честной дѣятельности. Постройка черезъ рѣку Воронежъ Митрофаніевскаго моста, соединяющаго города съ пригородною слободою Преидачею, черезъ которую пролегала большая дорога, совершена Синельниковымъ хозяйственнымъ образомъ, на что̀ онъ имѣлъ разрѣшеніе, необычайно дешево, помимо смѣты инженеровъ и строительной коммиссіи, составленной, кажется, на 80 тысячъ рублей, тогда какъ имъ было израсходовано на все сооруженіе не болѣе 12 тысячъ рублей.

Будучи человѣкомъ небогатымъ, губернаторъ велъ самый простой образъ жизни, не допуская себѣ никакой роскоши и излишествъ. Внѣ оффиціальной сферы онъ исключительно посвящалъ себя интимной семейной жизни: былъ любящимъ супругомъ и нѣжнымъ примѣрнымъ отцомъ. Ни торжественныхъ обѣдовъ, ни званыхъ вечеровъ, у него никогда не происходило, что̀ нѣкоторые воронежскіе аристократы относили совершенно, впрочемъ, несправедливо къ его будто бы скупости, тогда какъ онъ былъ всегда

готовъ великодушно помочь изъ собственныхъ средствъ истинной нуждѣ и несчастію.

И лѣтомъ и зимою вставалъ онъ одинаково рано и цѣлый день неутомимо работалъ, не покладая рукъ. Часто рано утромъ онъ отправлялся пѣшкомъ на рынокъ, гдѣ тщательно осматривалъ привозимые изъ деревень въ Воронежъ предметы первой необходимости, жизненные продукты, и горе было крестьянамъ, если продукты оказывались дурнаго качества, несвѣжіе или грязные: все тотчасъ вываливалось съ возовъ, тутъ же уничтожалось, а виновные отправлялись въ заключеніе на съѣзжую. Всякія злоупотребленія какъ на службѣ, такъ и въ торговлѣ онъ непреклонно и строго преслѣдовалъ, чѣмъ нажилъ себѣ немало враговъ среди мѣстнаго купечества. Особенно непріязненно относился къ дѣйствіямъ губернатора тогдашній городской голова купецъ В—ковъ, отстаивавшій злоупотребленія своей братіи.

Заботясь о чистотѣ и порядкѣ въ городѣ, губернаторъ строго запретилъ не въ урочное время и безъ надзора выпускать домашній скотъ на улицу и, если таковой попадался, приказывалъ немедленно забирать его въ полицію и возвращать хозяевамъ не иначе, какъ только по уплатѣ установленнаго штрафа. Такимъ образомъ однажды Н. П. заарестовалъ собственную свою корову, встрѣтивъ ее бродившей по плацъ-парадному мѣсту около кадетскаго корпуса, и, узнавъ вечеромъ о пропажѣ своей коровы, заставилъ свою супругу отослать въ полицію установленный имъ штрафъ, а прислугѣ за небрежность сдѣлать выговоръ.

Единственное развлеченіе, которое дозволялъ себѣ генералъ Синельниковъ, было посѣщеніе театра: онъ принялъ на себя званіе его почетнаго директора и любилъ проводить тамъ вечерніе досужіе часы. Актеры почему-то въ своемъ кружкѣ звали его «дядею» и, хотя любили его, но и крѣпко побаивались: онъ и къ нимъ относился весьма строго, какъ истый пуританинъ. Разъ, артистъ императорскихъ театровъ П. А. Никитинъ, бывшій тогда премьеромъ воронежской труппы, читалъ на сценѣ стихотвореніе Тургенева «Помѣщикъ», въ которомъ хотя и не заключалось ничего особенно шокирующаго, но Никитинъ сильными подчеркиваніями нѣкоторыхъ мѣстъ въ стихотвореніи придалъ своему чтенію нѣсколько скабрезный характеръ. Генералу чтеніе не понравилось: онъ въ антрактѣ позвалъ къ себѣ въ ложу Никитина, сдѣлалъ ему внушеніе о томъ, что театръ долженъ быть школою высокой нравственности, а не пошлаго гаерства, и послѣ спектакля отправилъ его на сутки подъ арестъ. Другой разъ, актеръ Онѣгинъ, пропустивъ въ буфетѣ рюмочки три коньячку, позволилъ себѣ на сценѣ какую-то не совсѣмъ приличную выходку. По окончаніи пьесы Синельниковъ такъ на него прикрикнулъ, что бѣдняга почувствовалъ разстройство желудка.

Давали «Бойкую барыню», сцены изъ военнаго быта, Турбина; извѣстный провинціальный актеръ И. В. Васильевъ, комикъ, игравшій роль батальоннаго командира, большого волокиты, искусно загримировался воронежскимъ полицеймейстеромъ полковникомъ Колиньи, въ жизни такъ же большимъ селадономъ. Васильевъ до тонкости усвоилъ всѣ его манеры, такъ что публика видѣла въ театрѣ двухъ полицеймейстеровъ: одного въ креслѣ въ партерѣ, другаго на сценѣ.

Губернаторъ остался очень недоволенъ, и Васильеву не избѣжать бы ареста, если бы самъ полковникъ Колиньи, больше всѣхъ смѣявшійся и аплодировавшій Васильеву, не явился передъ генераломъ его горячимъ заступникомъ.

Однажды, въ самый разгаръ масляницы, шелъ бенефисъ тогдашней любимицы воронежской публики, драматической актрисы и пѣвицы Фабіанской. Давали излюбленную пьесу «Материнское благословеніе» (La nouvelle fanchon), переведенную съ французскаго Перепельскимъ (псевдонимъ Некрасова). Театръ былъ буквально полнехонекъ, какъ говорится, некуда было и яблоку упасть. Въ одной изъ боковыхъ литерныхъ ложъ бенуара сидѣла стройная, красивая брюнетка, лѣтъ 23, весьма роскошно одѣтая въ бархатное темно-гранатнаго цвѣта платье, съ цѣнными на рукахъ браслетами, такой же брошкой и цѣпью. По временамъ въ ея ложѣ появлялись и исчезали молодые люди, съ которыми красавица довольно громко разговаривала, смѣялась, вообще держала себя непринужденно и замѣтно кокетничала. Отъ зоркаго глаза губернатора не ускользнула хорошенькая и такъ шикарно разряженная дама, которую видѣлъ онъ теперь только въ первый разъ. Пригласивъ въ свою ложу полицеймейстера полковника Колиньи, губернаторъ поручилъ ему узнать, кто была эта очаровательная незнакомка. Черезъ четверть часа, Колиньи доложилъ Синельникову, что дама, обратившая на себя его вниманіе, жена столоначальника воронежскаго губернскаго правленія, коллежскаго регистратора С—кова.

— Вотъ какъ! — иронически промолвилъ Синельниковъ. — Богато же живутъ у насъ столоначальники губернскаго правленія.

На другой день утромъ С—ковъ былъ потребованъ къ губернатору.

— Вы столоначальникъ губернскаго правленія, коллежскій регистраторъ С—ковъ?—встрѣтилъ его вопросомъ генералъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Скажите, пожалуйста, вы имѣете большое состояніе?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Чѣмъ же вы живете?

— Жалованьемъ, которое получаю по должности.

— Однако-жъ,—поставилъ ребромъ губернаторъ,—я нѣсколько побольше васъ получаю жалованья, но у моей жены нѣтъ такихъ роскошныхъ нарядовъ, въ какомъ я видѣлъ вчера въ театрѣ вашу супругу. По какому отдѣленію вы служите?

— По строительному, ваше превосходительство.

— Ну, понятно. Значитъ, безбожно берете взятки, немилосердно обираете каждаго просителя.

Юный столоначальникъ совсѣмъ растерялся, чуть не заплакалъ, съ божбою сталъ увѣрять губернатора, что никогда ни съ кого не бралъ ни одной копейки, что у жены его есть нѣсколько поклонниковъ изъ богатой золотой молодежи, которые и дѣлаютъ ей очень часто цѣнные подарки.

Генералъ громко расхохотался.

— Такъ вотъ оно что,—промолвилъ онъ.—Ну, хотя и не красиво въ такихъ молодыхъ годахъ быть рогоносцемъ, все же лучше быть имъ, чѣмъ взяточникомъ. Дѣло ваше. Можете идти... Только вотъ что, любезнѣйшій, не показывайте супруги своей въ многолюдной публикѣ, соблазна ради, чтобы, глядя на нее, и другимъ не повадно было...—генералъ не докончилъ фразы и махнулъ рукой, давая знать, что аудіенція кончена.

Постояннымъ преслѣдованіямъ полиціи во времена Синельникова подвергались босоножки, воронежскія уличныя фрины, сновавшія при наступленіи сумрака по городу, безъ чулокъ, въ однихъ башмакахъ на босую ногу: ихъ безъ разговоровъ и безъ церемоніи препровождали въ частный домъ, а на другой день подъ наблюденіемъ пожарныхъ служителей заставляли мести улицы. Такъ заботился губернаторъ о чистотѣ нравовъ ввѣреннаго ему края.

Въ августѣ 1860 года, въ Воронежѣ, иждивеніемъ мѣстныхъ дворянъ, воздвигнутъ памятникъ Петру Великому, въ воспоминаніе пребыванія его въ Воронежѣ въ 1686 году и основанія имъ здѣсь корабельной верфи, для постройки судовъ, долженствовавшихъ отправиться въ походъ къ Азову.

Статуя Петра Великаго, вылитая изъ бронзы и утвержденная на мраморномъ пьедесталѣ, изображаетъ царя лѣвою рукою опирающимся на якорь, смотрящимъ впередъ и правою рукою указывающимъ вдаль по направленію къ Азову. Памятникъ окруженъ скверомъ.

Случайно противъ сквера находилось тогда помѣщеніе какой-то коммиссіи, провіантской или строительной, хорошенько не припомню. Фигура Петра какъ будто прямо туда смотритъ, правая же рука протянута къ тому мѣсту, гдѣ за городомъ расположенъ тюремный замокъ.

Такая случайность подала поводъ какому-то воронежскому остряку, намекая на не безгрѣшные доходы чиновника въ ком-

миссіи, пустить въ ходъ повторявшееся тогда между воронежцами четверостишіе:

«Смотрите, русское дворянство,
«Петръ и по смерти очень строгъ:
«Онъ смотритъ прямо въ интендантство,
«А пальцемъ кажетъ на острогъ».

Н. Кельшъ.